

А.М. Лукашевич
A.M. Lukashevich

**ИСКУСНЫЙ ИНТРИГАН
ИЛИ НЕДООЦЕНЕННЫЙ СТРАТЕГ?
ГЕНЕРАЛ ЛЕОНТИЙ БЕННИГСЕН
В 1811–1812 гг.**

**ARTIFICIAL INTRIGAN
OR UNDERSTIMATED STRATEGIST?
GENERAL LEONTIE BENNIGSEN
IN 1811–1812**

В статье раскрываются основные вехи военной деятельности генерала Леонтия Беннигсена в 1811–1812 г. Делается вывод, что, несмотря на многолетнюю военную службу России, Л.Л. Беннигсен так до конца и не проникся духом своей новой родины. Поэтому в условиях войны 1812 года, когда на первое место выходила задача спасения Российского государства, для Л.Л. Беннигсена приоритетом оставались личные амбиции и желание использовать сложившуюся ситуацию для достижения своего военного величия.

The article reveals the main milestones of the military activity of General Leonty Bennigsen in 1811–1812. It is concluded that, despite the long-term military service of Russia, L.L. Bennigsen was not completely imbued with the spirit of his new homeland. Therefore, in the conditions of the war of 1812, when the task of saving the Russian state came first, for L.L. Bennigsen's priority remained personal ambition. So he tried to use the current situation to achieve his military greatness.

Ключевые слова: военная стратегия, наполеоновские войны, Л.Л. Беннигсен, М.Б. Барклай де Толли, М.И. Кутузов.

Keywords: military strategy, Napoleonic wars, L.L. Bennigsen, M.B. Barclay de Tolly, M.I. Kutuzov.

Имя генерала от кавалерии графа Леонтия Леонтьевича (Левин Август Готтлиб Теофиль) фон Беннигсена (1745–1826) хорошо известно в военной истории. Долгое время память о нем носила негативный оттенок, что явилось следствием отрицательных оценок генерала в российской историографии¹. Однако введение в научный оборот новых документов, а также переосмысление многих событий эпохи наполеоновских войн, позволяют взглянуть на роль в них Л.Л. Беннигсена несколько под другим ракурсом. В данной статье остановимся на событиях из его биографии 1811–1812 гг.

Томительная отставка. После увольнения в июле 1807 г. в отставку с должности Главнокомандующего российской армией, генерал Л.Л. Беннигсен почти пять лет прожил частным лицом в своем имении в окрестностях Вильны. Первые годы, когда еще живы были воспоминания о поражении под Фридландом, Л.Л. Беннигсен старался избегать публичного общества, в том числе столичного. Как вспоминал А.П. Бутенев, зимой 1807–1808 гг. в Санкт-Петербург вернулись все участники военных действий, «не показывался только Беннигсен. После кончины Императора Павла его больше не видели в С.-Петербурге, также и по тем же поводам, как гр. Палена и кн. Зубова»².

Подобное затворничество объяснялось, мягко говоря, натянутыми отношениями с монархом. Александр I не испытывал симпатий к Л.Л. Беннигсену, обоснованно считая его одним из непосредственных убийц императора Павла I. Даже во время войны 1806–1807 гг., когда до ее трагической развязки было далеко, монарх не скрывал своего негативного отношения к нему. Так, император сознавался князю А.Б. Куракину, что считает Л.Л. Беннигсена «весьма коварным, и что ему очень неприятно с ним видеться вследствие воспоминаний о прошлом»³. Не удивительно, что после Фридланда отзывы Александра I о генерале стали еще более резкими.

Однако была и вторая, не менее важная причина затворничества – состояние здоровья. За время войны Л.Л. Беннигсен подорвал его окончательно, на что обращали внимание многие сослуживцы. Больше всего он страдал от «водянки». «Он опух до такой степени, что не мог надевать платья, которое носил во время войны, – отмечал

издатель “писем” генерала П.М. Майков, – но благодаря каким-то травмам, присланным ему из Петербурга сенатором Тейльсом, почувствовал значительное облегчение»⁴.

Впрочем, полное удаление от публичных дел и занятие садом в своем имении, способствовали выздоровлению Л.Л. Беннигсена. По мере восстановления сил отставной генерал приступил к написанию истории прошедшей войны. Известие об этом быстро дошло до столицы и вызвало широкий общественный резонанс. В газетах и журналах утверждалось, что Л.Л. Беннигсен пишет историю с целью своего оправдания и что она увидит свет только после его смерти. Сам же генерал в рукописи опровергал подобные суждения: «...я пишу вовсе не для своего оправдания, в котором не нуждаюсь, а для славы русского оружия»⁵.

К концу 1810 г. Л.Л. Беннигсен закончил описание военных действий и переслал копию труда своему другу генералу А.Б. Фоку. Несомненно, автор рассчитывал, что об этом станет известно монарху, и тот изъявит желание ознакомиться с сочинением. «Льщу себя надеждою, – писал Л.Л. Беннигсен другу в феврале 1811 г., – что император прочтет мое произведение с интересом»⁶.

Поэтому, когда Россия начала активную подготовку к новой войне с Францией, Л.Л. Беннигсен не только пристально следил за происходящими событиями, но и оказался их участником.

В научной литературе остается малоизвестным «План военных действий», подготовленный Л.Л. Беннигсеном в январе–феврале 1811 г.⁷ Поэтому остановимся подробнее на его анализе.

Появление этого плана было связано с подготовкой Александром I наступательной войны против Франции, обусловленной захватом Наполеоном герцогства Ольденбург. В попытках создать коалицию, российский монарх постоянно прибегал к военному и политическому шантажу. Таким способом он вел целенаправленную работу по склонению на свою сторону Пруссии и Княжества (Герцогства) Варшавского⁸. С целью обеспечения политической составляющей этого плана, предусматривавшей провозглашение Польского королевства, в княжество был направлен князь А.Е. Чарторыйский.

Одновременно велась подготовка и военных планов предстоящей кампании. С этой целью в январе–феврале 1811 г. М.Б. Барклай де Толли и Л.Л. Беннигсен разработали два плана наступательной операции. Поскольку «операционные» планы М.Б. Барклая де Толли неоднократно анализировались в авторских публикациях⁹, на его плане 1811 г. не будем останавливаться. Что касается «Плана военных действий» Л.Л. Беннигсена¹⁰, то сравнение его с мыслями Александра I, высказанными в письме к А.Е. Чарторыйскому от 1810 г., наводят на мысль, что эти два документа не просто взаимосвязаны, а как бы дополняют друг друга.

План Л.Л. Беннигсена предусматривал реализацию исключительно военных деталей операции, поскольку ее «политическое обеспечение... не входило в компетенцию» разработчика. Подобная оговорка наводит на мысль, что данный план был разработан генералом, *если не по поручению* императора, то с его *ведома*. В пользу данного предположения свидетельствует и ряд иных, косвенных, фактов. Во-первых, Л.Л. Беннигсен находился в отставке, что позволяло без лишнего внимания подготовить проект. Во-вторых, работая над историей войны 1806–1807 гг., Л.Л. Беннигсен имел под рукой все данные о дислокации и численности наполеоновских войск. В-третьих, о том, что генерал работает над историей войны, было известно императору. Поэтому нельзя исключать вероятности, что монарх поручил Л.Л. Беннигсену разработать план наступательной операции. Этот выбор объясняется тем, что Л.Л. Беннигсен был единственным к 1811 г. военачальником, который не просто хорошо знал европейский театр военных действий, но и имел положительный опыт борьбы с Наполеоном.

В «Плане военных действий» рассматривались несколько вариантов ведения войны, однако главное внимание уделялось наступательному (он был разработан чрезвычайно подробно). Его суть сводилась к тому, что Россия должна опередить Францию и первой объявить войну, заняв Пруссию и «Польшу». План предусматривал выход российских войск на линию р. Одер, сосредоточение и принятие генерального сражения в междуречье Висла – Одер. В качестве союзника рассматривались Пруссия и Княжество Варшавское. При этом в до-

кументе присутствовало уточнение, что в случае оказания сопротивления, армия княжества будет уничтожена. Минимальное количество войск, необходимое для проведения наступательной операции, определялось в 160 тыс. человек.

По мнению Л.Л. Беннигсена, только наступательными действиями можно было привлечь на свою сторону Пруссию и нейтрализовать армию Княжества Варшавского. Несомненным плюсом наступательных действий генерал считал и то, что театр войны переносился бы «на такую землю, по которой реквизицию можно бы было получать все потребное для содержания войск, по крайней мере до взятия средств к подвозу». Даже в случае поражения российской армии в генеральном сражении, по мнению Л.Л. Беннигсена, «Россия не нашлась бы в столь невыгодном положении, в какое она попасть может при самом открытии войны, если мы будем ожидать неприятеля, стоя на наших границах»¹¹.

В целях подготовки к войне зимой–весной 1811 г. на западной границе Российской империи были проведены большие военные приготовления. По данным разведки Княжества Варшавского, в районах Вильно, Гродно, Брест-Литовска и Белостока сосредоточивалось до 200 тыс. российских войск. В этой ситуации в княжестве господствовали панические настроения¹².

В такой обстановке рассчитывать на «добровольное» желание варшавян перейти под скипетр российского императора не приходилось. Поэтому миссия А.Е. Чарторыйского в Княжестве Варшавском окончилась неудачей. 21 марта (2 апреля) 1811 г. он сообщил Александру I про открыто профранцузские настроения в княжестве. По мнению политика, необходимо было время, чтобы склонить польское общественное мнение на сторону России¹³. Кроме того, князь Ю. Понятовский, на содействие которого А.Е. Чарторыйский рассчитывал, еще 6 (18) февраля 1811 г. сообщил о российских планах Наполеону, саксонскому королю и князю варшавскому Фридриху Августу I и маршалу Л.Н. Даву¹⁴.

Выждав некоторое время, за которое была собрана дополнительная разведывательная информация, Наполеон понял, что Россия

действительно готовится к войне с Францией. В письме от 25 марта (6 апреля) 1811 г. он открыто обвинил в этом Александра I¹⁵. Более того, Наполеон принял ответные меры: он распорядился о переброске в Княжество Варшавское оружия и военного снаряжения, а также отдал приказ о формировании Эльбского корпуса маршала Л.Н. Даву для прикрытия княжества¹⁶. В целом, эти приготовления носили пока что оборонительный характер.

Таким образом, находясь в отставке и будучи в опале, Л.Л. Беннигсен оказался причастным к разработке одного из многочисленных вариантов ведения наступательной войны против Наполеона, результатом которой должно было стать решение «польского вопроса».

Затем Л.Л. Беннигсен почти на год (апрель 1811 – апрель 1812) снова ушел в тень и больше не предлагал своих планов войны. Косвенно это еще раз подтверждает мысль о том, что «План военных действий» (1811) мог быть составлен генералом или по поручению Александра I, или с целью вернуть утраченную благосклонность монарха. Также следует обратить внимание на то, что Л.Л. Беннигсен выступал преимущественно за активные, наступательные действия. Подобных взглядов он придерживался и в 1812 г. Неслучайно, в «Письмах о 1812 годе» он критиковал пассивные действия российского командования в начальный период¹⁷.

Возвращение Л.Л. Беннигсена на военную службу оказалось для него самого достаточно неожиданным, хотя и желанным. Оно было связано с приездом в Вильну монарха, который при встрече с генералом отнесся к нему благосклонно.

«Я не принадлежал к числу таких генералов (состоящих на службе. – *Прим. автора статьи*), – писал Л.Л. Беннигсен, – а потому направился прямо во дворец, чтобы ожидать прибытия Государя вместе с прочими лицами губернского управления и представителями дворянства, собравшимися во дворце, внизу, у лестницы. Государь, въехав во двор дворца, заметил меня и, сойдя с лошади, встретил меня чрезвычайно милостиво. Вступив во дворец, Его величество позвал меня к окну и благосклонно осведомился о моем

здоровье и спросил меня, не ощущаю ли я тех болей, от которых страдал в минувшую кампанию и после оной. На мой ответ, что мое здоровье совершенно поправилось, Государь Император добавил, что он чрезвычайно рад видеть меня в таком хорошем состоянии»¹⁸.

Впоследствии, 8–10 (20–22) апреля Александр I приглашал Л.Л. Беннигсена на обед, посещал дом его жены и удостоил генерала официальной аудиенции. 27 апреля 1812 г. Л.Л. Беннигсен получил назначение состоять при Александре I без определенных поручений, но с правом ношения на эполетах вензеля императора¹⁹.

12 июня 1812 г., в день, когда Великая армия начала переправу через Неман, Александр I присутствовал на балу именно в загородном доме Л.Л. Беннигсена в Закрете...

Беннигсен – Барклай де Толли: закулисное соперничество?

В исследовательской литературе советской и постсоветских эпох неоднократно высказывалось предположение, что Л.Л. Беннигсен, с первых дней возвращения на службу безуспешно посягал на пост главнокомандующего, который занимал М.Б. Барклай де Толли. Для того чтобы разобраться, насколько эти суждения были обоснованными, следует проанализировать межличностные отношения двух военачальников. Они начали формироваться еще 1780-е гг.

Впервые М.Б. Барклай де Толли попал под команду Л.Л. Беннигсена во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В 1789–1790 гг. он служил в Изюмском легкоконном полку, которым командовал Л.Л. Беннигсен (1787–1794). В составе полка М.Б. Барклай де Толли успешно сражался под местечком Каушаны (где командовал отрядом конных егерей), брал штурмом Аккерман.

Во второй раз судьба свела этих офицеров во время подавления восстания 1794 г. в Речи Посполитой: оба отличись при взятии древней столицы Великого Княжества Литовского – Вильны. Правда, тогда между ними была большая разница: Л.Л. Беннигсен носил генерал-майорский мундир (за взятие города награжден орденом Св. Георгия 3-й степени 15.09.1794), а М.Б. Барклай де Толли (орден Св. Георгия 4-й степени, 15.09.1794) только после окончания кампании получил чин подполковника.

Будучи младшим в чине, М.Б. Барклай де Толли впоследствии еще неоднократно оказывался под началом Л.Л. Беннигсена. Так было в 1805 г., когда он командовал бригадой в армии Л.Л. Беннигсена (была направлена к Аустерлицу, однако, так и не приняв участие в сражении, вскоре возвратилась в Россию).

Ситуация повторилась и во время войны 1806–1807 гг., когда М.Б. Барклай де Толли командовал авангардом, а затем арьергардом армии Л.Л. Беннигсена. В ходе этой кампании он отличился в сражениях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау (был тяжело ранен в правую руку с раздроблением кости и отправлен на лечение в Кёнигсберг, а затем в Мемель).

За время вынужденной отставки Л.Л. Беннигсена карьера М.Б. Барклай де Толли пошла быстро вверх. К июню 1812 г. он уже был военным министром и главнокомандующим 1-й Западной армии, хотя по чину, безусловно, оставался младшим: Леонтий Леонтьевич стал полным генералом еще 11 июня 1802 г. (со старшинством с 23 ноября 1799)²⁰.

Вообще, история с производством М.Б. Барклай де Толли в полные генералы (20 марта 1809) получила широкий негативный резонанс в обществе, поскольку был нарушен традиционно соблюдавшийся порядок производства. Так, в 1809 г. в российской армии насчитывался 61 генерал-лейтенант, а М.Б. Барклай де Толли занимал в этом списке лишь 47-е место. Поэтому, когда Александр I произвел его в генералы от инфантерии, обойденными оказались 46 человек. Все они сочли себя незаслуженно обиженными. В высших армейских кругах возмущенно обсуждали «выскачку Барклай», а некоторые генералы (Д.С. Дохтуров и др.) даже в знак протеста подали прошение об отставке. Подобного мнения придерживался и Л.Л. Беннигсен.

Вероятно, именно этим и было обусловлено решение Л.Л. Беннигсена принять предложение императора Александра I о возвращении на службу, но без определенной должности: вставать под команду своего прежнего подчиненного он не желал. К тому же, Л.Л. Беннигсен понимал, что начальный ход войны будет не в

пользу России. Поэтому в июне 1812 г. у него не было ни реальной возможности, ни желания принять командование над армией.

В то же время, генерал очень тонко уловил, что поутихшее после 1810 г. недовольство М.Б. Барклаем де Толли, с началом войны 1812 г. приобрело «второе дыхание». В своих «письмах» Л.Л. Беннигсен обратил внимание на появление еще летом 1812 г. в армии и среди гражданского населения толков, осуждающих М.Б. Барклая де Толли. Впоследствии, он отмечал нарастание подобных слухов и сохранение этого недовольства до конца 1812 г. «С самого начала войны... не только в армии, все, от генерала до последнего солдата, но, можно сказать, и весь народ, желали перемены главного начальства, в особенности, после сдачи Смоленска...», – записал Л.Л. Беннигсен 8(20) сентября²¹.

Положение Л.Л. Беннигсена стало меняться после отъезда Александра I из армии. Первоначально монарх не думал, что покидает ее до конца кампании. Именно поэтому он оставил при штабе 1-й Западной армии большую часть своей свиты. При Главной квартире 1-й Западной армии (без определенной должности) был оставлен и генерал Л.Л. Беннигсен. Причем Главнокомандующим 1-й и 2-й армиями М.Б. Барклаю де Толли и П.И. Багратиону было «рекомендовано» во всем с ним советоваться. Все это подтверждало мысль Л.Л. Беннигсена, что отсутствие императора «будет непродолжительно»²².

Присутствие монарха в армии сдерживало противников М.Б. Барклая де Толли. Однако после его отъезда положение военного министра, по свидетельству В.И. Левенштерна, «сделалось еще более тягостным»²³. Поэтому после отъезда Александра I военный министр избавился от многих недоброжелателей из числа родственников императора (герцога Александра Вюртембергского, принцев Августа и Георга Ольденбургских и др.).

Что касается Л.Л. Беннигсена, поддержавшего «генеральский заговор» (критиковал приказы главнокомандующего), то после Полоцка он должен был двигаться до Смоленска в значительном удалении от Главной квартиры²⁴. В середине августа 1812 г. М.Б. Барклай де Толли окончательно удалил Л.Л. Беннигсена из армии, однако эта победа оказалась кратковременной²⁵.

Новый главнокомандующий 1-й армией? Назначение 8 (20) августа 1812 г. М.И. Кутузова единым главнокомандующим²⁶ воспринималось многими как смещение с того же поста М.Б. Баркляя де Толли (хотя это не соответствовало действительности). При этом кандидатура самого Л.Л. Беннигсена также рассматривалась как один из вариантов, на что обращал внимание еще А.Г. Тартаковский.

В августовские дни 1812 г., когда М.Б. Баркляя де Толли со всех сторон уличался в том, что он – «немец, а потому и изменяет», в столицах и армии стали распространяться известия о назначении на пост Главнокомандующего армией Л.Л. Беннигсена. Об этом еще 9 августа сообщал графу С.Р. Воронцову секретарь при императрице Елизавете Алексеевне Н.М. Лонгинов. Позднее, 13 сентября Н.М. Лонгинов вспоминал, что «после Смоленских несчастий Государь предлагал» Л.Л. Беннигсену «главное начальство, от чего он отказался...»²⁷.

В дневнике Ф.Я. Мирковича о приходе гвардейских частей в Вязьму 15 августа 1812 г. помечена запись: «Здесь мы узнали, что главнокомандующий армии заменен Беннигсеном»²⁸. Тем же днем датировано «осведомительное донесение» П.А. Ивашкина А.Д. Балашову, где среди последних разговоров в Москве на военные темы указано на слух о назначении «в Первую армию командиром Бениксона»²⁹.

При этом еще А.Г. Тартаковский подметил, что «...весть о замене “немца” Баркляя действительно немцем Беннигсеном, ...была встречена совершенно спокойно, как нечто в той обстановке вполне естественное. Более того, поговаривали даже, что инициатива на сей счет исходила из самой армии»³⁰.

Приехавший из армии английский эмиссар при российском штабе Р. Вильсон в 20-х числах августа рассказывал в Санкт-Петербурге о желании некоторых генералов видеть на посту главнокомандующего Л.Л. Беннигсена. Более того, 13 сентября Н.М. Лонгинов известил С.Р. Воронцова, что «при отступлении из Дорогобужа войска почти взбунтовались и громогласно требовали Бениксена»³¹.

Все эти слухи, которые транслировались в обществе, а затем нашли отражение в мемуарах и переписке, свидетельствовали о том, что Л.Л. Беннигсен сохранял достаточно большой авторитет в ар-

мии. Не только сам генерал, но многие в придворных и армейских кругах считали его действительно «единственным в Европе достойным соперником Наполеона».

Однако назначение М.И. Кутузова единым главнокомандующим свели на нет эту волну. Тем более что и сам Л.Л. Беннигсен получил официальную должность: встретивший генерала в Торжке М.И. Кутузов, объявил о назначении его начальником (и.о.) Главного штаба объединенных армий. Рескрипт императора на имя Л.Л. Беннигсена также был датирован 8 (20) августа 1812 г.³²

После приезда М.И. Кутузова М.Б. Барклай де Толли держался в Главной квартире особняком и ни с кем из генералитета (кроме П.П. Коновницына) не сближался. При этом, по свидетельству В.И. Левенштерна, Л.Л. Беннигсен был «единственный из генералов, коего Барклай искренне ненавидел и не скрывал этого; он отдавал справедливость его военным качествам, но не терпел его чрезмерного самолюбия и честолюбия и не находил им оправдания»³³.

Не случайно Л.Л. Беннигсен удостоился суровой оценки М.Б. Барклая де Толли в «Изображении военных действий 1812 года», где он показан как человек, «гордящийся похищенной им славою и почитающий себя первым генералом в свете». «Все, что не от него происходило или не им было предполагаемо, подвергалось осуждению, – говорилось в “Изображении”. – С самой Вильны питал он против меня злобу по неудаче его происков для получения некоторого влияния на управление Армии»³⁴. Однако данная оценка, безусловно, носила субъективный характер.

Беннигсен – Кутузов: противостояние личностей или стратегии? В научной литературе приводится достаточно много сюжетов о столкновении этих генералов в 1812 г. К ним относятся: оценка распоряжений и действий Л.Л. Беннигсена в Бородинском сражении; выбор позиции для нового сражения перед Москвой и позиция Л.Л. Беннигсена на совете в Филях; а также поведение двух военачальников в ходе Тарутинского сражения. Не вдаваясь в подробности этих событий, обратим лишь внимание на изменение современных оценок данных сюжетов противостояния.

Во время Бородинского сражения Л.Л. Беннигсен занимал должность и.о. начальника Главного штаба. Именно он официально (де факто – полковник К.Ф. Толь) составил диспозицию (план сражения) для российской армии. По мнению некоторых историков, она была в целом неудачной и привела к огромным потерям российских войск.

Кроме того, накануне сражения Л.Л. Беннигсен побывал на левом фланге и приказал корпусу Н.А. Тучкова выдвинуться из Утицкого леса вперед на открытое место и занять позиции левее 2-й армии П.И. Багратиона. Тем самым он без согласия главнокомандующего изменил диспозицию пехотного корпуса. В результате, корпус Н.А. Тучкова и московское ополчение понесли напрасные потери, а скрытый контрудар во фланг и тыл французской армии был сорван. Однако в работе современных российских историков В.Н. Земцова и А.И. Попова «Бородинская битва. Южный фланг» подобные обвинения с Л.Л. Беннигсена были частично сняты³⁵.

Что касается действий генерала в самой Бородинской битве, то большинство исследователей отдают должное его мужеству. Поэтому и награда за сражение в виде ордена Св. Владимира 1-й степени представляется вполне заслуженной.

После Бородинского сражения М.И. Кутузов поручил Л.Л. Беннигсену избрать новую позицию для сражения под стенами Москвы, и тот остановился на пространстве между Филями и Воробьевыми горами. Однако эта позиция подверглась критике, и М.Б. Барклай де Толли настоял на отказе от нее. На совете в Филях 1 сентября он первым высказался за оставление Москвы, поддержав тем самым историческое решение М.И. Кутузова. В то же время Л.Л. Беннигсен на совете отстаивал необходимость дать Наполеону новое генеральное сражение. Тем самым он снимал с себя ответственность в случае, если войска оставят Москву без боя³⁶.

Неудивительно, что после этого М.И. Кутузов фактически отстранил Л.Л. Беннигсена от руководства штабом. Поэтому, когда 22 сентября, после прихода армии в Тарутинский лагерь, М.Б. Барклай де Толли покинул главную квартиру, Л.Л. Беннигсен остался основным оппонентом М.И. Кутузова.

Своего апогея противостояние двух генералов достигло в ходе Тарутинского сражения 6 (18) октября 1812 г. По настоянию и плану Л.Л. Беннигсена, около Тарутина российские войска атаковали И. Мюрата. Хотя диспозиция не была выполнена, и французы не были полностью отрезаны, как планировалось, они понесли значительные потери и отступили в беспорядке. Несогласованность на поле боя (в ряде случаев Л.Л. Беннигсен вынужден был отдавать приказы через голову главнокомандующего) вызвала еще большее обострение конфликта двух военачальников. Контуженный в ногу во время сражения, Л.Л. Беннигсен обвинил М.И. Кутузова в том, что он в решающую минуту остановил наступление³⁷.

После этого инцидента Л.Л. Беннигсен, награжденный за Тарутино алмазными знаками к ордену Св. Андрея Первозванного и 100 тыс. рублей³⁸, не стеснялся в выражениях, доказывая полную непригодность главнокомандующего. Однако, не имея возможности напрямую апеллировать к императору, он действовал через английского военного агента при российской армии Р. Вильсона.

В период с 28 октября по 15 ноября 1812 г. М.И. Кутузов неоднократно жаловался на поведение Л.Л. Беннигсена жене³⁹ и монарху. Александр I, понимая пагубность подобного конфликта, 9 октября разрешил М.И. Кутузову удалить Л.Л. Беннигсена из армии⁴⁰. 15 ноября 1812 г. по причине «расстроенного здоровья», Л.Л. Беннигсен был отправлен в Калугу для ожидания нового назначения⁴¹. Остаток войны он провел в Луге.

На этом в 1812 г. закончилось противостояние двух военачальников. Впрочем, при всех проблемах межличностных взаимоотношений между Л.Л. Беннигсеном и М.И. Кутузовым, на первое место, как справедливо подметил А.Н. Желтобородов, следует поставить различные взгляды этих генералов на стратегию ведения войны⁴².

Военные теоретики XIX в. выделяли два основных подхода к ведению войны: стратегию «сокрушения» (разгрома) и стратегию «истощения» (измора). Стратегия сокрушения предполагала активные боевые действия, проведение генерального сражения в целях нанесения максимального урона противнику и, как следствие,

достижение победы. В свою очередь, стратегия истощения была связана с отказом от вступления в активные боевые столкновения, маневрированием, изматыванием противника переходами и нанесением ударов по коммуникациям специально выделенными отрядами «природной конницы» (казачьих и национальных конных формирований)⁴³.

Поэтому рассматриваемое в данной статье противостояние между генералами можно представить как столкновение представителей разных подходов к ведению войны 1812 года. М.И. Кутузов, вслед за М.Б. Барклаем де Толли, являлся представителем стратегии истощения. В то же время Л.Л. Беннигсен склонялся к ведению войны с опорой на стратегию сокрушения, считая ее самой эффективной в борьбе с Наполеоном⁴⁴.

Впрочем, именно в этом и заключалось различие во взглядах двух генералов на характер ведения войны: для М.И. Кутузова важна была победа «малой кровью» при минимальном риске, а для Л.Л. Беннигсена – возможность достижения славы победителя, не считаясь с жертвами российских солдат.

Поэтому можно согласиться с оценками историков XIX в., которые отмечали, что, несмотря на многолетнюю военную службу России, Л.Л. Беннигсен так до конца и не проникся духом своей новой родины и остался подданным Ганновера. Поэтому в условиях войны 1812 года, когда на первое место выходила задача спасения Российского государства, для Л.Л. Беннигсена приоритетом оставались личные амбиции и желание использовать сложившуюся ситуацию для достижения своего военного величия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года / подготовил П.М. Майков. СПб., 1900; Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г.: прил. к «Военно-ист. вестнику» 1912 г. / пер. с фр. с примеч. П.М. Майкова. Киев, 1912.

² *Адрианов С.* Беннигсен Леонтий Леонтьевич // Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением А.А. Половцова: в 25 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 700–712.

³ Там же.

⁴ Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Лукашевич А.М.* Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 24–25 мая 2002 г. / Мин. междунар. образоват. центр, Центр междунар. исслед. Белорус. гос. ун-та; редкол.: В. Астапенко [и др.]. – Минск, 2002. С. 46–59; *Лукашевич А.М.* «Польские» проекты в военно-стратегических планах Российской империи (1810 – июнь 1812 г.) // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. Вып. 6. С. 179–187; *Лукашевич А.М.* Белорусские земли в оперативных планах российского командования (февраль 1810 – июнь 1811 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Мінск, 2012. Вып. 7. С. 86–96.

⁸ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: док. Рос. М-ва иностр. дел. Сер. первая, 1801–1815 гг.: в 8 т. М., 1962. Т. 6. С. 64–66, 116, 118–119, 698, 699.

⁹ См.: *Лукашевич А.М.* Российское оперативное планирование на Западном театре военных действий (февраль 1810 – июнь 1812 г.) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVII Междунар. науч. конф., Можайск, 5–7 сент. 2011 г. / Гос. Бородин. воен.-ист. музей-заповедник; ред.-изд. совет: А.В. Горбунов (пред.) [и др.]. Можайск, 2012. С. 224–241.

¹⁰ Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива (ВУА) Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. / под ред. А.З. Мышлаевского. Т. II. СПб., 1901. С. 83–93.

¹¹ Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. Т. II. С. 91–92.

¹² *Вандаль А.* Сочинение: [в 4 т.] / пер. с 6 фр. изд. В. Шиловой. Ростов н/Д, 1995. Т. IV. С. 140–145.

¹³ Николай Михайлович [Романов], вел. князь. Император Александр I: Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 381–383; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6. С. 94.

¹⁴ *Соколов О.В.* Битва двух империй. М.; СПб., 2012. С. 413–416.

¹⁵ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. М., 1905. Т. 1. С. 82–83.

¹⁶ Соколов О.В. Битва двух империй... С. 416–417; Вандаль А. Сочинение: [в 4 т.]... Т. IV. С. 145–148.

¹⁷ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г... С. 25–26.

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 24–25.

²⁰ Подмазо А.А. К вопросу о едином главнокомандующем русской армии в 1812 году // Воин: журнал. Самара, 2002. № 10. С. 34–35.

²¹ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г... С. 70.

²² Там же. С. 48–49.

²³ Левенштерн В.И. Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Т. 104. № 11. С. 352.

²⁴ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г. С. 69.

²⁵ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 81.

²⁶ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г... С. 69–70.

²⁷ Архив князя Воронцова: в 40 кн. / ред. П.И. Бартенева. М., 1882. Кн. 23. С. 160; Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 119.

²⁸ Федор Яковлевич Миркович. 1789–1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам / [сост.: А. Миркович, М. Миркович]: в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 55.

²⁹ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 119.

³⁰ Там же. С. 120.

³¹ Архив Воронцова. Кн. 23. С. 160.

³² Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г... С. 69–70.

³³ Левенштерн В.И. Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. Т. 105. № 1. С. 110–111; Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 139.

³⁴ [Барклай де Толли М.Б.] Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 22.

³⁵ См.: Земцов В.Н., Попов А.И. Бородинская битва. Южный фланг. М., 2009.

³⁶ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г... С. 79–81; Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 137.

³⁷ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г... С. 88–106; Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 214–218, 225–227.

³⁸ Беннигсен Л.Л. Список о службе генерала от кавалерии графа Беннигсена. Июля 19-го дня 1816 года // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 2. Стб. 826–832.

³⁹ *М.И. Кутузов*. Сборник документов и материалов: в 5 т. / под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 237–238, 253.

⁴⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3645. Л. 3.

⁴¹ *М.И. Кутузов*. Сборник документов и материалов. Т. 4, ч. 2. С. 390–391.

⁴² *Желтобородов А.Н.* Боевые действия Отечественной войны 1812 года в оценке генерала Л.Л. Беннигсена // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XX Междунар. науч. конф., 5–7 сент. 2016 г. Бородино, 2017. С. 199–206.

⁴³ *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. СПб., 1997. Т. 4. Ч. 4. С. 70–144.

⁴⁴ *Желтобородов А.Н.* Боевые действия Отечественной войны 1812 года в оценке генерала Л.Л. Беннигсена. С. 201.